

ХАРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

КАРНАУШЕНКО ГАЛИНА НИЛОВНА

Жарш -

МЕСТНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
РУССКИХ ГОВОРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СЛОБОЖАНЩИНЫ

10.02.01 - русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Харьков - 1993

НВ 20.000

диссертация выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Харьковского государственного университета.

Научный руководитель - кандидат филологических наук,

профессор Широкоград Ефросинья Фоминична

Официальные оппоненты :

- доктор филологических наук,

профессор Отин Евгений Степанович

- кандидат филологических наук,

доцент Желтобрюх Валентина Федоровна

Ведущее учреждение - Днепропетровский государственный университет

ЛНБ України ім.В.Стефаніка

00802697 (W)

Защита состоится 19 ноября 1993 г. в 14.00 часов
на заседании специализированного ученого совета К 053.06.06
в Харьковском государственном университете по адресу:

310077, Харьков, пл. Свободы, 4, ауд. II-37

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Харьковского государственного университета.

Автореферат разослан 14 октября 1993 г.

Ученый секретарь специализированного совета - Широкоград

Е. Широкоград Ефросинья Фоминична

Диссертация посвящена описанию лексико-семантической системы русских говоров центральной Слобожанщины в тематическом фрагменте географической нарицательной лексики.

АКТУАЛЬНОСТЬ РАБОТЫ определяется необходимостью сбора и систематизации нового диалектного материала, изучения зон языкового контактирования, развития и углубления теории описания семантики диалектного слова и семантики конкретного имени в общелингвистическом плане.

ЗАДАЧИ РАБОТЫ: сбор местной географической терминологии (МГТ) русских говоров центральной Слобожанщины; тематическая классификация терминов; применение понятий и методов когнитивной лингвистики к анализу диалектной лексики.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ. Материал работы составили полевые записи, сделанные автором и студентами Харьковского университета под его руководством во время диалектологических экспедиций 1987-1991 гг. по Харьковской, Сумской и Белгородской областям. Обследованы говоры 47 сел с давним (до XX в.) русским населением. Для сопоставления использовались данные диалектных и литературных словарей восточнославянских языков, исследования по ГТ различных территорий, а также материалы Картотек Словаря русских народных говоров (Санкт-Петербург) и Лексического атласа Правобережного Полесья (Житомир, автор - Н.В. Никончук).

Основными **МЕТОДАМИ** исследования являются компонентный анализ и метод наложения на диалектную семантику семантической модели литературного языка, в том числе, собственной модели исследователя, полученной интроспекцией (погружением в свое языковое сознание).

НОВИЗНА работы обусловлена обращением к ареалу, не охваченному диалектологическим обследованием. В науку вводится новый диалектный лексический материал (1721 лексема) с точной лингвогеографической фиксацией. Формы систематизации этого материала (идеографическая, алфавитная с указанием предметно-понятийной отнесенности, обратная) эксплицитно и имплицитно фиксируют его объективную парадигматическую организацию, которая в своей конкретике также выявляется впервые.

Новым является положение о возможности и продуктивности отражения в классификации не только значений однозначных слов и лексико-семантических вариантов полисемичных слов, но и употреблений, то есть тех "поворотов" семантики слов, которые реализуются в конкретных высказываниях.

Впервые к семантике диалектного слова применяются подходы таких современных научных направлений, как когнитология и логический анализ языка.

НА ЗАЩИТУ выносятся:

1. Тематическая классификация местных географических терминов (МГТ) русских говоров центральной Слобожанщины.
2. Предметно-понятийный словарь МГТ русских говоров центральной Слобожанщины в виде алфавитного словоуказателя к классификации.

Кроме того, на защиту выносятся следующие ПОЛОЖЕНИЯ:

1. При описании семантики местного географического термина целесообразно отражать как реалему, так и концепт, т.е. (в данном случае) особенности языкового "видения" реалии, принятые в данном языковом коллективе.
2. Для экспликации каждого из этих видов информации, хранящихся в языковом сознании диалектоносителей, необходимо применение различных методов.
3. Для моделирования концепта допустима собственная интроспекция исследователя (погружение в свое языковое сознание) с определением возможностей варьирования концепта. Обнаружение реализации одного из вариантов модели можно считать фиксацией концепта для данного языкового коллектива.
4. Для описания семантики географического термина применимы такие метаязыковые понятия, как позиция субъекта (пространственная и временная), тип субъекта (действующий и созерцающий, субъект восприятия), фокусная установка субъекта (цель, перспектива восприятия объекта или взаимодействия с ним).

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ работы. Теоретически важным является опыт составления и осмысления конкретной классификации диалектных слов в русле теории классификации и идеографии, выявления возможных путей интерпретации многозначности, внутрдиалектной и междиалектной. Теоретическое значение работы состоит также в применении концептуального аппарата когнитологии, в частности,

фреймового подхода, и логического анализа языка, к экспликации семантики конкретного имени и семантически содержательных отношений между именами.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ работы. Материалы и положения диссертации могут найти применение в научных исследованиях по семантике диалектного слова и семантике конкретного имени; в лекционных и практических вузовских курсах диалектологии и лексикологии, в спецкурсах и спецсеминарах; в создании регионального атласа и словаря. Они могут быть включены в материалы Словаря русских народных говоров и могут учитываться при составлении и интерпретации карт Лексического атласа русского языка и Лексического атласа украинского языка.

Опыт составления и компьютерной обработки подробной тематической классификации может быть учтен в развитии Машинного фонда русского языка и его Диалектного подфонда, в разработке Украинского семантического словаря, русско-украинского тезауруса и других форм машинного обеспечения лингвистических исследований.

Материалы диссертации также могут использоваться в топонимических исследованиях лингвистов и географов, в работе краеведческих обществ.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ. Диссертация содержит 2 тома. I том составляют: введение, три главы, заключение и библиография. Во II том входят Тематическая классификация местных географических терминов русских говоров центральной Слобожанщины; Рубрикатор тематической классификации; Алфавитный указатель терминов; Обратный индекс терминов; список сокращений обследованных сел.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

ВО ВВЕДЕНИИ определяется тип и специфика русских говоров Харьковщины, рассматриваются вопросы их формирования и функционирования. Выявляется степень обследованности и изученности русской и украинской географической терминологии в целом и по зонам, а также по лингвистическим направлениям.

Харьковщина и вообще Слобожанщина, Слободская Украина представляют собой специфический в этноязыковом плане регион. Как считают историки, после долгого периода Дикого поля началось вторичное заселение этих земель массово украинцами с запада (начиная с XVI века) и менее массово русскими с севера (непостоянное население гарнизонных

городов с I пол. XVII в. и переселенные из Центральной России помещичьи села во II пол. XVIII в. и в XIX в.). Таким образом, наш регион отличается от русско-украинского пограничья, например, Черниговщины (древней Северной земли), тем, что сформирован достаточно поздно (примерно 300 лет назад) разнодиалектными потоками абсолютно состоявшихся этносов. Об этом говорят пары названий сел, расположенных рядом: Русская Лозовая - Черкасская Лозовая (т.е. украинская), Верхний и Нижний Бишкин - Черкасский Бишкин. Чисто русских сел немного: по "Списку населенных мест Харьковской губернии, по сведениям 1864 г.", таких сел было 214, или 6,16% всех поселков; но немного и смешанных: в 1864 г. их было 25, или 0,72% [Штигиц 1869, 50]. То есть русские поселения представляют собой островки в одно или несколько сел среди украинского моря.

Русские говоры Харьковщины относятся к говорам территории позднего заселения. В соответствии с классификацией Л.И. Баранниковой, исследуемые диалекты могут быть характеризованы как основные переселенческие говоры (XVIII-XIX вв.) и отчасти как ранние переселенческие говоры (XVI-XVII вв.), т.е. возникшие вскоре после образования русского национального языка [Баранникова 1977].

По типу отношений с контактным ареалом и с "материнской" территорией русские говоры на Украине относятся к "островным", или "островковым", что объясняется их территориальной изоляцией от основного массива и иноязычным окружением. Русские говоры Харьковщины в отличие от дисперсно размещенных старообрядческих русских говоров в Киевской, Житомирской, Хмельницкой, Днепропетровской областях, на Буковине, представляют собой "островки" разного рода, от единичных сел в районе до значительных (но разрозненных) групп, "гнезд" говоров. Кроме того, отличие наших говоров от других является, как считает В.И. Собинникова, их размещенность "вблизи основного массива русского языка" и то, что они "удерживают прочные связи с другими русскими говорами, но в то же время находятся в иноязычном (украинском) окружении".

По времени заселения наши говоры в основном старше других переселенческих русских говоров на Украине (особенно юга Украины и Донбасса).

Русские говоры Слобожанщины исследовались на материале отдельных групп говоров (А.В. Ветухов 1893, Халанский 1882 и др., А.Ф. Бузник

1958 и др., Е.А. Владимирская 1975 и др., Л.В. Никулина 1966, А.А. Евграфова 1988). Задача одновременного обследования нескольких островков русских говоров Слобожанщины еще не ставилась.

Для исследования переселенческих говоров и говоров любых этнически смешанных территорий определенную ценность представляет материал местной географической терминологии в силу ее достаточной устойчивости.

Несмотря на то, что по многим славянским языкам написаны обобщающие работы и созданы словари, по-прежнему ощущается острая необходимость в сборе и описании диалектной географической лексики.

Русская диалектная географическая лексика собрана и описана неравномерно. Если МГТ Севера, Северо-Запада и Сибири описана более полно, то географическая терминология Центра и Юга России исследована в меньшей мере. Ей посвящены большие работы В.И. Дьяковой (воронежские говоры) и Л.И. Черепahiной (тамбовские говоры), а также ряд статей Г.П. Смолицкой, Т.А. Бабешкиной, В.С. Козырева и др.

Реферлируемая работа может рассматриваться как дополнение к картине южнорусской географической терминологии. Если будет создана работа по МГТ курско-орловской группы, к которой, в основном, по мнению исследователей (А.Ф. Бузник, Е.А. Владимирская), восходят харьковские русские говоры, появится возможность решать вопрос о характере семантических изменений в лексике переселенческих говоров по сравнению с лексикой исходных говоров.

Различия в исследовательских задачах работ по русской местной географической терминологии (этимология, развитие значений, распространение, соотношение с топонимами, семантические отношения в пределах разного рода групп и др.) обусловили различия в принципах отбора материала и в полноте его семантизации и локализации. Определение ареального распространения лексем и семем планируется в результате составления региональных атласов и словарей по единой программе для получения сопоставимых сведений [Попов 1987] и создания единого для русского диалектного языка Лексического атласа [Программа 1990].

Учет имеющихся программ-вопросников, в первую очередь программы И.А. Попова, осуществленный при сборе и классификации харьковской русской МГТ, позволит в будущем "состыковать" наш материал с материнским языковым массивом.

Изучение наших говоров как островных может быть углублено в аспекте сопоставления с окружением - украинским языком.

Украинская географическая терминология, благодаря работам И.А. Дзендзелевского, М. Юрковского, Т.А. Марусенко, Е.А. Черепановой, П.П. Чучки и др. исследователей, описана достаточно подробно. Но обращает на себя внимание незначительность данных по слобожанским украинским говорам. Этот недостаток будет отчасти восполнен после обследования нашего региона по вопроснику И.А. Дзендзелевского для Лексического атласа украинского языка.

Таким образом, состояние изученности как говоров нашей территории, так и МГТ русского и украинского языков позволяет считать сбор, фиксацию и анализ диалектного полевого материала важной задачей.

Исследователями славянской географической терминологии предложены различные классификации терминов, выявлены основные принципы номинации, мотивационные модели образования апеллятивов, метафорические и метонимические методы в семантике этой группы лексики, прослежено и интерпретировано ареальное распространение терминов. В реферируемой работе мы отказались от применения большинства из названных подходов, ограничившись основным - составлением классификации и словаря. Ограничение это дало нам возможность поставить новые вопросы и применить новые подходы к традиционной, хорошо изученной и с семантической точки зрения группе лексики.

По мнению ареаловедов, островные ареалы особенно интересны с точки зрения семантики (см. [Бородина 1980]). Исследуемые говоры не только островные, но и переселенческие. Возможно ли обнаружить в семантике слова и парадигматических объединений слов отражение специфических особенностей сознания носителей таких говоров? Поиск ответа на этот вопрос (что является сверхзадачей работы) привел нас к необходимости обратиться к когнитивной лингвистике и логическому анализу языка.

В I ГЛАВЕ "Классификация и словарь местной географической терминологии русских говоров центральной Слобожанщины" подробно рассматриваются вопросы идеографического описания и классификации лексики вообще и диалектной географической апеллятивной лексики в частности, а также проблемы лексикографического отражения многозначного диалектного слова; дается обзор имеющихся описаний и

классификаций и выявляются сходства и различия классификации русских МГТ Харьковщины (прежде всего принципов ее построения), с классификациями (или другими формами систематизации) МГТ воронежских, черниговско-сумских, балтийских и др.

Предлагаемая в работе классификация отражает опыт предшественников (начиная с Р.Бадюры [1953] и Й.Шютца [1957]) и строится на полевом материале, что позволяет во многих фрагментах достичь высокой степени детализации.

На основании сопоставления терминов (с выделением дифференциальных признаков) и группировки их как по принципу иерархического дерева (с восхождением ко все более высокому уровню абстракции), так и по принципу опосредования (на основании отношений к имени поля), выделяются следующие тематические (предметно-понятийные) классы: 1. Место; 2. Рельеф; 3. Растительность; 4. Болото; 5. Водоёмы; 6. Поселение и его части.

Классы делятся на подклассы (Рельеф: Равнина; Возвышенность; Углубление; Сложный рельеф, пересеченная местность), рубрики (Возвышенность: общее название; возвышенность по размеру; по форме; по составу; по наличию/отсутствию растительности; по месту расположения; отроги возвышенности; микровозвышенности; искусственные возвышенности; куча (камней и т. п.); камни (куски твердых горных пород); глыба, ком ссохшейся земли; сугроб), подрубрики (возвышенность по размеру: а) значительно возвышенное место, гора, выделяющаяся среди других, поднимающаяся над окружающей местностью; б) небольшая возвышенность, холм (округлой формы, с пологими склонами); в) бугор (меньше и ниже холма); г) пригорок, бугорок (меньше бутра)), разделы (основные части возвышенности (холма, горы): вершина холма, горы; склон; подножье), подразделы (склон: а) общее название; б) по крутизне; в) по обращенности к солнцу; г) по наличию/отсутствию растительности; д) по составу; е) по наличию/отсутствию влаги; ж) части склона (бровка; бугорок на склоне; оползень; ровная площадка на склоне), подгруппы (невысокая гора, большой бугор).

Класс "Место" выделяется впервые в классификации ГТ, что обусловлено нашей установкой на описание, максимально приближающееся к свойствам объекта, которым мы считали диалектную лексико-семантическую систему (фрагмент), а не собственно систему (местной) географической терминологии. По этой причине в поле нашего

зрения попадает и понятие, стоящее иерархически выше ряда понятий, отражаемых собственно географическими терминами.

Наиболее общим понятием, включающим в себя все возможные понятия и представления о единицах ландшафта, для наших диалектоносителей является именно "место": "Луг - низменность, там и посадку делают огородами; такое место, что не занято под лесом и пастбище"; "Усыхая местность ести: и буры, и болота трошки осталось"; "У каждого местушка есть название".

С одной стороны, докус является общим основанием семантики всех ГТ; с другой стороны, обнаруживается группа лексем, также имеющая этот компонент в семантике, но не относящаяся к классам 2 - 6. В этой группе существует внутреннее деление по семантическим признакам: место, общее название: местечко, место, местность, местушко; место по качеству: хорошее: бравое место, плохое: гадкое место; место, закрытое от ветра: засе́дка, зати́шник, зати́шок, зати́шье, раздо́л; место в тени: холодо́к; солнечное место: припе́к; разные места, неопределенные по своим характеристикам (в основном труднопроходимые): брызку́ха, бу́чи́ло, кру́ча; место гуляния (молодежи): выгон, горка, луг, сад, сады́ (ср. у Б. Гринченко: гульби́ще, гри́ще).

Значительная часть классификации строится на комбинации семантических признаков, относящихся к главным идеографическим сферам ГТ ("вода", "растительность", "рельеф"). На пересечении этих трех сфер находится семантика слов тематического класса "Болото", на пересечении двух сфер - семантика терминов подкласса "Суша, примыкающая к водоему (берег, остров, дно)", ряда рубрик, например, "Возвышенность по наличию или отсутствию растительности", "Сырое место на склоне горы".

Отсутствие четкой противопоставленности литосферы, биосферы и гидросферы в семантике многих ГТ говорит о том, что в языковом сознании диалектоносителей реально понятие ландшафта: природно-территориального комплекса; именно он называется словами из класса "место", когда дифференциальные признаки реалема не важны.

Отдельно представлен класс "Поселение и его части" (куда входит и подкласс "Дорога"). Слова этого класса, как и некоторых рубрик других классов ("Искусственный водоем" и др.), по своей семантике частично относятся к иной идеографической сфере - "Человек". Но так как в семантике таких слов отражается взаимодействие человека с землей, с

географическими объектами, считаем возможным включение первых в состав географической терминологии.

В Тематической классификации произведена сплошная нумерация рубрик, таксон (минимальная единица классификационного деления) содержит в себе термины в алфавитном порядке и с указанием сел: 2.3.6.3.1. в) крайняя полоска ровной поверхности у оврага, маленькая терраска рядом с оврагом, межующая с полем: б^ерег (Р. Лоз. Дерг.); б^ровка (Лоз. Бал., Кар. Волч., Ст. П. Ч., Арк. Шевч., Кр. Шевч.); к^рай (Лоз. Бал., Бер. Перв.); п^од^об^ожье (Бер. Перв., Введ. Чуг.), где 2. - Рельеф, 2.3. - Низменность, 2.3.6. - Овраг (удлиненное продольное эрозионное углубление с обнажением коренных пород на склонах), 2.3.6.3. - Части оврага по вертикали, 2.3.6.3.1. - Склон оврага.

Формулировки рубрик в последовательности, заданной классификацией, приводятся в Рубрикаторе классификации. В Алфавитном указателе каждый термин снабжен номером своего таксона, при этом первая цифра (номер класса) заменена сокращением названия класса: 1 - Мест., 2 - Рел., 3 - Раст., 4 - Бол., 5 - Вод., 6 - Сел. Для каждого слова по набору рубрик можно восстановить тематические сферы, в которых оно фигурирует в классификации, и тем самым очертить его семантику. Это позволяет частично компенсировать отсутствие традиционного словаря. Например: б^оковина Рел. 3.6.3.1.а, Сел. 2.11.а; по Рубрикатору, это таксоны 2.3.6.3.1.а) склон оврага вообще и 6.2.11.а) обочина дороги. Таким образом, предметно-понятийная отнесенность термина определена в работе и автономно, и в соотношении с системой.

Указание сел к каждому термину (фактически, к отдельному значению или даже семе термина) в классификации позволяет проследить различия в сегментации действительности в разных частных диалектных системах.

Логические основания классификации конкретным материалом нарушаются, и в самих этих нарушениях можно попытаться обнаружить какие-то закономерности. И оказывается, что они описываются когнитивными моделями.¹ При категоризации (т.е. при формировании класса или при отнесении объекта к классу) в обыденной ситуации человек руководствуется не столько отвлеченными признаками предмета, сколько

¹Термин "когнитивная наука", как известно, с середины 70-х годов употребляется "для обозначения области, в рамках которой исследуются процессы усвоения, накопления и использования информации человеком" [Герасимов, Петров, 1988].

ощущением сходства целостных предметов (или их образов). Это отражается и в языке.

Формирование некоторых групп слов, отраженных в классификации, основывается на языковой интуиции автора, знакомого с текстовыми проявлениями организации внутреннего лексикона диалектоносителей. Механизм формирования в нем группы слов, представленной в классификации подклассом "Поле" (класса "Растительность"), может быть описан моделью, которую Дж. Лакофф называет пропозициональной (знание ситуации, в частности, "модель определенной области опыта" [Лакофф 1988]); разного рода реалии объединяются на основе общности ситуации (обработки/необработки почвы, сбора урожая). В разряд возвышенностей попадают не только холмы, но и сугробы и кучи камней, песка и т.д. в соответствии с другой когнитивной моделью категоризации - "схематической моделью образа". Реальность связи холма, горы и кучи песка, снега и т.д. для языкового сознания демонстрируется сочетаниями типа гора песка.

Для бытового, языкового сознания не все члены класса равноправны. Специалист по когнитивной психологии Э. Рош обнаруживает центр и периферию в классах концептов (концептуальных классах), при этом отмечается, что для центральных членов характерны "прототипические эффекты": способность представлять весь класс (так, в приведенном сочетании отражается замещение центральным членом категории (гора) периферийного члена (куча, груда и т.д.)). Структура концептуальных классов на нашем материале выявляется по-разному. Например, в нашей классификации (в отличие от программы И.А. Попова) таксоны в подклассе "Возвышенность" расположены от "большого" к "меньшему", что в большей мере соответствует когнитивным основам восприятия: большое раньше бросается в глаза и вернее дифференцируется - называется. Во всяком случае, это представляется верным для языкового сознания жителей Харьковщины, где "у нас таких-то гор нет", т.е. любая возвышенность может быть охвачена взглядом, преодолена за реальное время, освоена.

Мы рассматриваем классификацию ГТ центральной Слобожанщины как промежуточную между предметно-понятийной (тематической) и семантической. Считаем, что истинно семантическую классификацию можно будет создать только тогда, когда будут выявлены особенности организации слов, характерные для естественного (человеческого) языка (в

отличие от языков формализованных, от языка машины) и обнаружены особенности концептов, характерные для данного языкового коллектива.

II ГЛАВА диссертации "Семантика географического термина" посвящена теоретическим и практическим вопросам описания естественно-языковой семантики географического термина как конкретного имени.

В процессе создания классификации и словаря, осмысления их соотношения мы пришли к выводу о недостаточности, а в ряде случаев и неадекватности представления семантики географического термина через дифференциальные признаки и через описание реалии. Возникла потребность выявления смысла (концепта) имени, аналог чему в психологии назван "предвосхищающей схемой, посредством которой воспринимаются сами объекты" [Найссер 1981].

Семантическое пространство конкретного имени заполняет целостный чувственный образ объекта, относящийся к допонятийной фазе познания действительности. "Определенные глубинные врожденные свойства человеческого организма и его перцептуального аппарата" (М.Бирвиш) отражаются в тех элементах семантики слова, которые А.Вежбицка называет семантическими примитивами. К ним относятся "я" (т.е. субъект речи) и "место" [Вежбицка 1983; 1986]. В основе семантики большинства ГТ лежит ситуация: "Субъект, находясь в данном месте и фокусируя свое внимание на данном объекте (части места), воспринимает его". При этом восприятие может быть неконкретизированным и суммарным (не только видение, но и осязание и т.д.). Ограничение видения (восприятия) задается позицией субъекта и направлением взгляда (интенцией) (ср. понятия "punkt widzenia", "perspektywa" Е. Бартминского и "фокус" Ч. Филмора). Учет этого комплекса (позиция субъекта и направление взгляда) позволяет объяснить сдвиги и переносы значения в пределах одного слова и отношения между семемами разных слов. Стоя на дне оврага и глядя вверх на "подъем", на "выход", диалектоноситедь говорит: гора (равно как и стоя на ровном месте и глядя на возвышенность), а стоя на бровке, на столике (ровная площадка перед склоном оврага) и глядя вниз, говорит: лог, или яр, или ровик. Для объяснения сдвигов важно также понятие периферии зрения, или бокового зрения (ср. платина, гребля в значении "пруд").

Идентификация объекта, концептуализация его образа (отнесение к определенному имени) во многих случаях связана с неким стереотипом размера, который также имеет антропологическое основание: широта

охвата взглядом (так А. Вежбицка толкует слова mountain "гора", hill "холм", lake "озеро" [Wierzbicka 1989]), соотносимость с размерами тела человека.

В основе многих концептов лежит человеческий опыт взаимодействия (физического и функционального) с географическими реалиями. На когнитивном уровне он может отражаться в виде фреймов (схем действия): "Яр - это: идешь-идешь - и упал. А лог - не упадешь."; "Круча - крутой склон, лезем, круто, но лезем; на обрыв не полезешь". Концепт горы в языковом сознании диалектоносителей включает в себя и такие стороны, как использование, преодоление, основные качества (ср. у М. Цветаевой: "Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора - это прежде всего мои ноги <...>. Моя точная стоимость. Гора - большое тире, <...> которое заполняется глубоким вздохом" [Цветаева 1987]). По-видимому, нужно вводить в толкование сведения не только о позиции говорящего, но и о его прогнозе действий по поводу данного объекта (ср. противопоставление берег и побережье в зависимости от направления и места движения: по воде и по суше [Филлмор 1988]).

Таким образом, можно считать, что географический термин, не называя ситуацию (состояния и действия субъекта) прямо, подразумевает ее. Вернее, он предполагает набор, пучок типичных ситуаций, связанных с данной реальией. Информация о типичных действиях и состояниях субъекта в связи с реальией составляет импликационал семантики географического термина.

Идея действенной включенности и использования связана с понятием типичной функции, которое необходимо для описания концептов артефактов, что отмечено Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Р.М. Фрумкиной и др. Понятие типичной функции целесообразно применять и для описания семантики природных объектов, когда эксплицируется идея их использования.

В диссертации выявлено, что расчлененный объект, например, лес видится (воспринимается) по-разному субъектом созерцающим (целостно) и субъектом действующим (дискретно). Учет пространственной позиции субъекта по отношению к такому объекту (вне и внутри) усложняет названное противопоставление. Существенным для описания концептов многих географических терминов, особенно отражающих расчлененные объекты, представляется выявление форм соотношения субстанции и пустоты, взаимодействия соседствующих сред (ср. лес и поляна и лес и опушка: "разрежение" внутри и за пределами). В этом же ряду находится

проблема описания концептов предела (явленных в словах типа край, начало, конец, граница, межа, брод и др.).

Для описания семантики ряда ГТ в метаязыковом понятии позиции субъекта важна не только пространственная, но и временная координата. Единицы измерения времени будут различаться для разных типов объектов, ср. регулярную ежегодную актуализацию семы "затопляемость" для слова пойма и медленное изменение реальных, называемых словами из классов "Рельеф" и "Болото". Конфигурация и качество этих реальных зависят от стадии, фазы существования. Незаметность, плавность этих изменений для одного поколения приводит к противоречию денотата и сигнификата в соответствующих словах; отчетливее всего это проявляется в микропонятиях.

III ГЛАВА диссертации посвящена отношениям в семантическом поле географической терминологии и основным принципам организации концептуальных структур.

Двумя важнейшими способами организации сознания, упорядочения представлений и понятий в когнитивные структуры считаются классификация и импликация [М.В.Никитин 1988]. Оба типа концептуальных связей на лексическом уровне могут реализоваться в одной многозначной лексеме или в разных лексемах, связанных соответствующими отношениями. Подробная классификация позволяет зафиксировать названные связи. Открытой, однако, остается проблема типологизации отношений между концептами, в частности, в пределах импликационного типа связи.

Среди импликационных отношений наш материал позволяет выделить отношения, ведущие к многозначности (здесь наблюдаются такие явления, как диффузность и метонимия) и импликационные отношения, не ведущие к многозначности.

В первую группу входят семантические отношения 'болото' - 'грязь', 'кюль' - 'колодец', 'берег, край', 'плотина' - 'пруд'; во вторую - 'лес' - 'не-лес', 'гора' - 'подножье'.

Плодотворной представляется идея фиксации особенностей концептов при описании отношений между ними [Фрумкина 1991]. Учет лексической реализации концептов позволяет обратить внимание на такие сходства и различия в сути концептов, которые важны для языка, для языкового сознания. Обращение к понятийному аппарату логического анализа языка и когнитологии позволяет в ряде случаев выявить глубинные

причины порождения и невозможности метонимии, что уточняет наши представления о пределах варьирования семантики единиц естественного языка.

Метонимические переносы ГТ отражены в диссертации в той части Алфавитного указателя, которая содержит термины с более чем одним номером таксона (ср. значения слова байрак: лес; овраг, поросший кустарником и деревьями; замкнутое понижение значительных размеров; склон оврага и др.).

Для лексики обследованных говоров характерна развитая метонимия, в том числе и метонимическая диффузность. Предположительно это можно объяснить размытостью границ концептов в языковом сознании носителей переселенческих говоров.

С другой стороны, значительная представленность однозначных слов (две трети проанализированного словника) отражает терминологический характер географической лексики.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ изложены основные выводы работы.

АПРОБАЦИЯ положений и выводов диссертации осуществлялась на различных этапах работы в виде докладов на научно-методическом семинаре кафедры русского языка филологического факультета Харьковского университета; на республиканских и всесоюзных Потепнянских конференциях (1986, 1991 гг.), а также на Потепнянских чтениях, проводимых в Харьковском университете; на республиканской диалектологической конференции (г.Житомир, 1990 г); сорабистическом семинаре (г.Львов, 1990г.); на I Международном конгрессе белорусистов (г.Минск, 1991 г.); на Международной славистической конференции "Ономастические системы в смешанных и переходных славянских говорах" (г.Люблин, Польша, 1991г.).

С содержанием исследования связаны следующие печатные работы автора:

1. Парадигма значений приставки за- как морфемы в именах и наречиях русских народных говоров. // Традиции А.А. Потепни и современная филология: Материалы III Потепнянских чтений. - Харьков, 1988. Депон. в ИНИОН АН СССР, регистр. N 33977 от 20.05.88 г. - С.40-51.
2. Программа сбора диалектной географической лексики.- Харьков, 1989 - 32 с.

3. До питання про стан вивчення географічної лексики у верхньолужицькій мові. // Проблеми слов'янознавства. - Вип.41- Львів, 1990. - С.141-143.

4. Метонимия и знантисемия в местной географической терминологии. // А.А. Потебня - исследователь славянских взаимосвязей: Тезисы Всесоюзной научной конференции. Ч.II. - Харьков, 1991. - С.36-38.

5. К интерпретации некоторых семантических отношений в географической терминологии. // Болгаристика в системе общественных наук: Опыт, уроки, перспективы: Тезисы докладов и сообщений Второй Всесоюзной конференции по болгаристике (III Дриновских чтений). Дополнительный выпуск. - Харьков, 1991. - С.26-27.

463482

AB 28.322

AB 28.322